

Перевод в научном и поэтическом творчестве М.В. Ломоносова

Теория перевода и переводческая деятельность имеют богатую и длительную традицию в нашей стране. Однако ценное теоретическое наследие, оставленное нам русскими учеными, писателями и переводчиками, трудившимися на поприще обогащения отечественной культуры и науки, просвещения народа и развития русского языка до сих пор недостаточно исследовано и популяризировано.

Коллектив ученых Высшей школы перевода стремится отчасти восполнить этот пробел и отдать дань основателю Московского университета, чьи труды представляют несомненный интерес для отечественной и мировой науки о переводе.

М.В. Ломоносов, великий русский ученый-энциклопедист и замечательный поэт, много внимания уделял переводу лучших образцов поэтического творчества античных и современных ему авторов. Он переводил с древнегреческого, латинского, французского, немецкого и итальянского языков. В фундаментальном для российской словесности труде «Риторика» (1748) в его переводах даны образцы творчества выдающихся поэтов и ораторов древности: Гомера, Анакреонта, Вергилия, Горация, Овидия, Ювенала, Демосфена, Лукиана, Цицерона, Тацита и др.

Хорошо известны состязания в поэтическом переводе, участниками которых был сам Ломоносов и другие знаменитые поэты его поры, внесшие значительный вклад в развитие русской словесности. Наиболее известным из таких состязаний оказалось «преложение» 143 псалма, в котором помимо Ломоносова участвовали В.К.Тредиаковский и А.П.Сумароков. Состязание поэтов продолжилось в переводе оды французского поэта Жана Батиста Руссо (1670—1747). В январской книжке журнала "Полезное увеселение" за 1760 год, издававшегося при Московском университете, были опубликованы два стихотворения под общим названием «Ода господина Руссо *Fortune de qui la main couronne*, переведенная г. Сумароковым и г. Ломоносовым. Любители и знающие словесные науки могут сами по разному сих обеих пиитов свойству каждого перевод узнать.» Сумароков представил хореический перевод, Ломоносов — ямбический. Перевод Ломоносова был напечатан первым. Позднее на этот спор откликнулся и Тредиаковский, включив переведенную им оду Руссо в 12-й том своего перевода «Римской истории» Роллена (1765).

Из области переводов научной литературы, сделанных Ломоносовым, следует отметить «*Вольфианскую Экспериментальную Физику*» - первый учебник по экспериментальной физике на русском языке, представляющий собой перевод Ломоносовым шестого раздела книги Людвиг-Филиппа Тюммига (Tummig L. Ph. Institutiones philosophiae Wolfianae in usus academicos adornatae /Основания Вольфианской философии, составленные для академического использования/. T. I. Francofurti et Lipsae, 1725), вышедший в свет в 1746 г. Переведена «сия книжица» была для того, «чтобы по ней показывать и толковать физические

опыты» – в указе Сената от 17 октября 1745 об издании перевода "Экспериментальной физики" Христиана Вольфа переводчику предписывалось читать лекции по этому предмету на русском языке. Перевод Ломоносова заложил основы русского языка науки.

Взгляды Ломоносова по вопросам перевода содержатся в его филологических трудах и связаны, прежде всего, с характеристикой стилистического богатства русского языка. Это теоретическое наследие, а также результаты переводческой деятельности великого русского ученого представляют большой интерес, как для истории переводческой деятельности, так и для науки о переводе в целом.

ЦИТАТА: *«Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море.»*

(1755, Российская грамматика)